

УДК 930

ЕВРОПЕЙСКИЙ ГУМАНИСТ В ПЕРМИ***М. А. Оболонкова**Пермский государственный педагогический университет, 614000, Пермь, ул. Сибирская, 24
obolonkova@pspu.ru

П. Вайль в книге «Стихи про меня» отобрал полсотни стихов отечественных поэтов XX века и сопроводил их своими блестящими эссе. Оправдывая критерий отбора, П. Вайль честно признавался: выбрал стихи, которые «безошибочно прямо обращаются к тебе», «падают в соответствие с твоими мыслями и чувствами, с твоим ритмом, связываются с событиями жизни, становятся участниками драматических или комических ее эпизодов, поражают, радуют, учат» [Вайль, 2007, с. 13–14]. Так и с воспоминаниями: в памяти живут те моменты прошлого, что поражали, радовали и учили именно тебя. К мемуарам применима известная метафора «старого зеркала», глядя в которое через оголившееся стекло видишь прошлое, а в уцелевших фрагментах амальгамы – частички своего отражения сегодня.

Вспоминая Льва Ефимовича Кертмана в XXI веке, думаю, что из множества граней его личности сегодня особенно ясно виден его европеизм. Глубокая включенность в европейскую культуру была связана не столько с кругом его научных интересов, сколько с его органичной принадлежностью к европейской цивилизации, европейской культуре, с мироощущением европейца. Наверное, во многом это было сформировано еще киевской частью жизни, тем Киевом, из которого он был изгнан и по которому, как я много позже поняла, долго тосковал. Обвинения в космополитизме, из-за которых ему было в 1949 г. отказано в работе в Киевском университете, а потом еще в шестидесяти вузах страны, были, конечно, политически ангажированными и подлыми, но – странная мысль! – по сути они были менее абсурдными, чем, например, какие-нибудь обвинения в шпионаже, которые могли быть предъявлены. Кертман был замечательным космополитом. Д. Андреев в «Розе мира» размышлял: «Внутренний пафос новейшей истории – в стихийном стремлении ко всемирному... На что указывает это знамение времени? Не на то ли, что всемирность, перестав быть абстрактной идеей, сделалась всеобщей потребностью?» [Андреев, 1995, с. 9]. Всеобщей потребностью всемирность, похоже, так и не сделалась, а вот для Кертмана она была одной из базовых.

Помню, в 1986 году при обсуждении разных вопросов политического свойства, которых тогда появилось много в стране и мире, Лев Ефимович вдруг сказал, что самое опасное сейчас происходит в Косово. Почему в Косово? Тогда я не смогла оценить границы горизонта его взгляда. Верность его высказывания поняла, точнее, остро почувствовала, много позже, оказавшись в Хорватии уже после распада Югославии и попав на территорию бывшей Сербской Краины. Когда через 10 лет после окончившейся там войны увидела деревни с пустыми домами, в которых зияли огромные дыры от снарядов, увидела край невероятной красоты и плодородия, в котором вообще не было жителей, когда, возвращаясь оттуда, услышала скупое передаваемые воспоминания случайно встретившихся в пути сербов, боснийцев, хорватов о пережитом ими аде, только тогда поняла, что те тревожные новости в середине восьмидесятых Лев Ефимович воспринимал как европеец. Кертман действительно был человеком мира. Провинциальная Пермь, «фронт» Европы – и парадоксально полное европейское мироощущение. Как горько, что идеологические, информационные, государственные границы были открыты уже без него.

Сегодня, во время разных методологических поисков, постановки новых и порой смелых для отечественных гуманитарных наук проблем и появления нетрадиционных путей их решения, не без труда вспоминается, насколько жестко ограниченной была гуманитарная сфера советской научной реальности. Л. Е. Кертману удавалось в условиях идеологических ограничений удивительным образом раздвигать эти рамки. Свобода научной мысли и творческого поиска, яркий индивидуальный исследовательский стиль не очень-то хорошо вписывались в официальный дискурс гуманитарных наук. При этом его методологические гипотезы, связанные с поисками специфических историче-

© М. А. Оболонкова, 2012

* Материал подготовлен в рамках Проекта № 034-Ф Программы стратегического развития Пермского государственного педагогического университета.

ских законов, труды по теории и истории мировой культуры, виртуозное умение вплетать психологические нити в ткань исторического исследования органично укладывались в русло европейской интеллектуальной продукции.

По известной формуле Ж. Бюффона «стиль – это человек» стиль Л. Е. Кертмана, на мой взгляд, в гармонии глубины и легкости. Глубокая научная мысль и легкое перо, фундаментальность содержания лекций и свободная, яркая их форма, дар говорить с людьми о сложных вещах просто и понятно, серьезное отношение ко всем сторонам жизни и легкий, тонкий юмор. Память странно избирательна, и вспоминаются эпизоды совсем малозначительные, но, как мне кажется, характеризующие этот стиль.

Еще до окончания университета я начала работать на кафедре Кертмана лаборантом. Опыта у меня и такой же юной коллеги было мало, ответственности, как я сейчас понимаю, тоже. Как-то мы не успели вовремя сдать какие-то серьезные бумаги. Лев Ефимович, вернувшись после нескольких неприятных минут, проведенных в кабинете проректора, сказал нам только, что наша «вольница выходит ему боком». А потом с юмором припомнил это, написав нам в открытке, одной из тех, что он сочинял членам кафедры к разным праздникам: «Женским способом старинным, безграничным обаянием, Валентина и Марина избегают наказания». Когда появлялись разные административные дела, Льву Ефимовичу приходилось часто покидать свой домашний кабинет и немало времени проводить на кафедре за этими делами. Понятно, что они не могли доставлять удовольствие, но относился он к ним всерьез, как к любому делу, которое следует делать хорошо. Как-то придя на кафедру по одному из этих поводов, Лев Ефимович посетовал: «Что-то я стал приходить сюда каждый день». «Прямо как на работу», – несколько нахально заметила я. Как искренне он смеялся тогда, а потом к случаю вспоминал нехитрую шутку...

Еще маленький эпизод, невольным свидетелем которого я оказалась во время консультации у Льва Ефимовича дома. Сарра Яковлевна, его жена, с возрастом столкнулась с проблемами нарушения физического равновесия. Как-то вернувшись из университета, она заглянула в его кабинет со словами: «Левушка, ты представляешь, я опять упала». Всего несколько секунд по его лицу было видно, как сильно он встревожился, потом как будто выдохнул, увидев, что она не повредилась. И мгновенно отозвался: «Надеюсь, не морально?»

Центром системы ценностей Льва Ефимовича была безусловная ценность человека. В этом смысле Л. Е. Кертман был настоящим европейским гуманистом. Его неподдельный интерес и концентрация внимания к человеческой личности проявлялись удивительно разнообразно. Герои написанной им политической биографии династии Чемберленов такие живые, потому что автору они были личностно невероятно интересны. В этом академическом труде британские государственные деятели переживают взлеты и падения, испытывая, судя по исследованным автором их письмам и дневникам, то «радость и вдохновение битвы» [Кертман, 1990, с. 372], то «страшное уныние» и «дьявольскую боль» [Там же, с. 350]. Это человеческое измерение отразилось даже в названиях глав. Помню, как во время написания книги Лев Ефимович довольно долго думал и размышлял вслух, как точнее перевести на русский язык часть фразы из процитированного им письма Невилла Чемберлена относительно Остина, фразы, которая и была вынесена в название 11-й главы, – «Мой проклятый брат с добрыми намерениями» [Там же, с. 324].

Если уж к людям из далекого прошлого Л. Е. Кертман относился совсем не бесстрастно, то студенты и аспиранты, коллеги по университету, соседи по дому или друзья детей при контакте с ним всегда ощущали его живой и подлинный интерес. В памяти четко отпечатались эпизоды: в квартире Кертмана сломался телефон, и был приглашен мастер из службы ремонта. Придя на очередную консультацию, я столкнулась в дверях с уходящим молодым человеком. Лев Ефимович после его ухода поделился: «Какой потрясающе интересный парень! Мы проговорили с ним 40 минут!». Понял ли этот «потрясающе интересный парень», с человеком какого масштаба ему довелось общаться эти сорок минут? Признаться, что-то подобное промелькнуло у меня в голове.

Это было незадолго до самого последнего отъезда Льва Ефимовича в командировку в Москву. Потом был телефонный звонок из Москвы, потом я, схватив какие-то лекарства, помчалась в их дом к Сарре Яковлевне, потому что такой же звонок сейчас будет ей. А в лифте мне встретился тот самый молодой человек, который, видя, к какой двери я подхожу, вдруг спросил: «Вы не знаете, когда вернется Лев Ефимович?» – «Он не вернется...»

Мне вдруг неожиданно стало ясно, что этот парень, конечно, понимал, с кем он разговаривал те сорок минут. И хотел продолжить разговор.

Прошло двадцать пять лет, а мне все так же остро хочется с Львом Ефимовичем о многом поговорить.

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины

.....

И море, и Гомер – всё движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

(О. Мандельштам)

Библиографический список

Андреев Д. Роза мира // Собр. соч.: в 3 т. М., 1995. Т. 2.

Вайль П. Стихи про меня. М., 2007.

Кертман Л. Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. М., 1990.

Дата поступления рукописи в редакцию 25.06.2012

EUROPEAN HUMANIST IN PERM

M. A. Obolonkova

Perm State Pedagogical University, Sibirskaya st., 24, 614000, Perm, Russia
obolonkova@pspu.ru

Refernces

Andreev D. Roza mira. Moscow, 1995. Vol. 2.

Kertman L. E. Djozef Chamberlen I sinovja. Moscow, 1990.

Vail P. Stihi pro menya. Moscow, 2007.